

Ольга Власенко

Дом терпения

Дом, в котором мы с вами живем, стоит на земле, на которой происходит все то, участниками чего и свидетелями чему стали мы с вами. О том, к чему привыкает наш человек, и повествуют образами современного искусства казахстанские художники

Выставка «Дом толерантности», организованная Центром современного искусства, заставляет задуматься над тем, что именно и ради чего приходится терпеть нашим соотечественникам.

Перефразируя и дополняя слова пресс-релиза выставки: наша так называемая как художественная, так и жизненная сцена уникальна тем, что лишена каких бы то ни было критериев. Как бы странно это ни звучало в обществе, строящем демократию и правовое государство, у нас можно все, но не всем.

Выражение «дом толерантности» в общественный лексикон ввели французы в начале XIX века, а затем это понятие вошло и в русский язык как «дом терпимости», указывая на обязанности проституток терпеть и выполнять в силу профессии любые желания своих клиентов. Французы же называли публичные дома «домами терпимости», чтобы подчеркнуть, что проституцию они осуждают, но терпят у себя дома, во Франции, потому, что проституция не запрещена законом. В последнее время толерантность стала модным словом, часто употребляемым в современной политике и культуре, где оно обозначает «терпимость человека к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям».

Искусство со склада

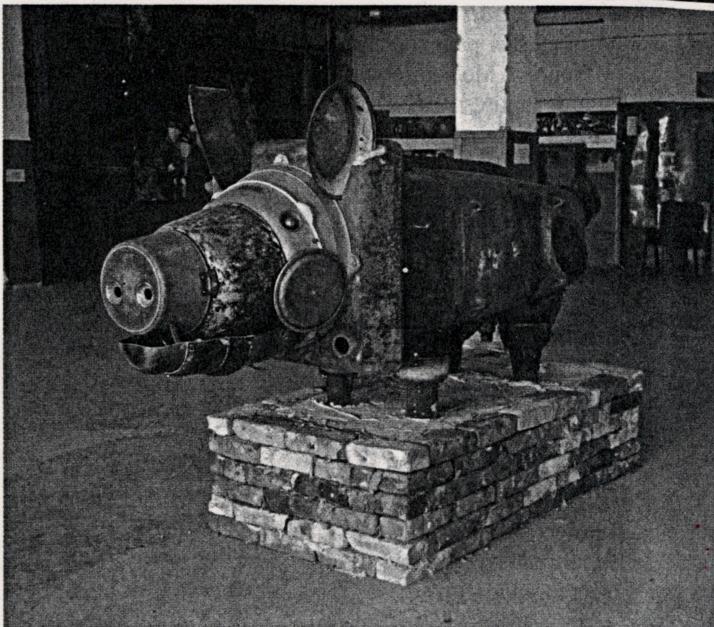
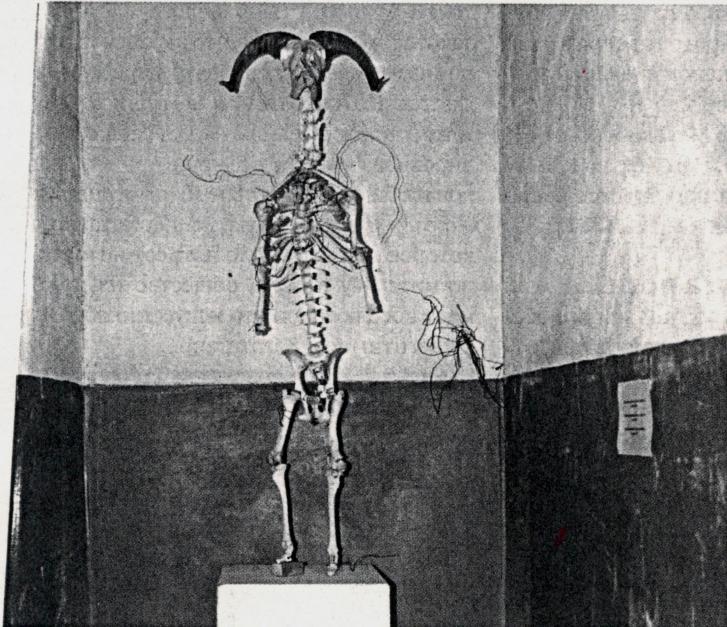
Центр современного искусства, который мог остаться без помещения и перекочевать в виртуальное пространство, имеет полное право именоваться андеграундным. Несмотря на то что его положение с самого начала было легальным и он поддерживался общественными организациями и местным бизнесом, государство обошло его своим вниманием. А когда сложилась кризисная ситуация с «жилплощадью» и вопрос встал ребром: быть или не быть, на выручку пришел Союз дизайнеров Казахстана, предоставив офис в здании бывшей типографии. Теперь ее цеха используются как склад. В одном из них работникам центра и художникам и пришло в голову разместить выставку. Хотя помещение, где организовали экспозицию, не подвальное, а находится на третьем этаже, ощущение складывается обратное. Особенно когда спускаешься вниз с третьего этажа – лестничная клетка как будто уходит под землю, в глубокое подполье. Заброшенный, пустующий цех с отбитыми, ободранными стенами и полом, с широкими серыми окнами уже сам по себе, без выставленных артефактов, может стать памятником индустриальному Казахстану, растерявшему свои производственные мощности, но так и не перешедшему к новой информационной информации. В то время как в постиндустриальном мире организовывать вы-

ставки и открывать галереи в бывших промышленных зданиях стало не только модным тоном, но и устоявшейся тенденцией, у нас, среди быстро растущих торговых и офисных центров и пустующих особняков, это выглядит как безысходность, обреченность бедного маргинального искусства использовать свой последний шанс.

Место под солнцем

Тема родной земли проходит сквозь выставку рефреном. Это не только работы, содержащие это слово в названии, как, например, «На земле» Натальи Дю и «Земное счастье» Алексея Шиндина, но и «Вечный предел» Всеволода Демидова, «Хиазм» и «Немецкая надежда» братьев Мельдикбековых, «Берегись автомобиля» Регины Шепетя и другие.

Даже далекая индийская земля из видеоарта Натальи Дю, на которой в буквальном смысле живут – спят, едят, растят детей нищие, заставляет задуматься: какое место в этом мире занимаешь ты, простой казахстанец? Кто ты? Бедный азиат из отсталой сырьевой страны, оказавшийся на Западе? Или благополучный европеец из нефтяной державы, прогуливающийся по южноазиатским улицам? Все ли так относительно в этом мире? Перформанс, устроенный Наташей Дю прямо на бомбайской мостовой и снятый на камеру, был воспринят прохожими неоднозначно.

Наташа лежала на каменном тротуаре как настоящая индийская нищая, но, видимо, окружающим это показалось недостаточно убедительным. «Реакция была самой разнообразной – от шуток до открытой агрессии, оскорблений и закидывания пластиковыми бутылками», – рассказывает она. По ее словам, идея перформанса возникла спонтанно. Большое количество лежащих на земле людей – обычное дело в Индии. Наташе хотелось понять, что чувствует лежащий на земле индиец, и посмотреть, как будут реагировать окружающие. Горизонтальное положение, лежание – интимное действие, связанное с отдыхом, сном и сексом. «Перформанс был направлен не вовне, а на себя, чтобы исследовать свои ощущения. Это положение вызывает чувство беззащитности: идущие мимо люди кажутся крупнее и агрессивнее, а ты – физически слабее и ниже по статусу», – поясняет художница. В фильме много параллелизма: свой – чужой, лежащий – стоящий, беззащитный – агрессивный. Смотреть – это тоже потреблять, тут открывается еще одна оппозиция: потребитель – «достопримечательность».

«Оказавшись в прямом смысле на индийской земле, – говорит Наташа, – когда проходит чувство брезгливости, будто погружаешься в другой слой атмосферы, открываешь другую перспективу».

Но нищие есть везде, и на земле могут сидеть не только бедняки, но и, например, отдыхающие, которые наслаждаются жизнью на зеленых парижских и лондонских лужайках. Важно то, почему ты оказался на земле. В Мумбае лежание на земле, как, впрочем, и нищета, превратились в традицию.

Кушать хочется

Видео Алексея Шиндиня «Земное счастье» вызывает противоречивые чувства: с одной стороны, зрелище шокирует (эф-

фект усиливается сопровождающей видеоряд бодрящей песней Rolling Stones), с другой – понимаешь: для наших степных реалий расчленение верблюда – дело обычное. Фильм смонтирован из фотографий, причем происходящее в нем понимаешь не сразу. Фотографии художник сделал в степном городе Актау. Растильности там мало, как и скота, поэтому верблюжатина – распространенная пища. «Снимки были сделаны случайно, экспромтом», – рассказывает Алексей. Причем, по его собственному признанию, зрелище лично его абсолютно не шокировало, а напротив, было даже интересно. «У меня не один раз спрашивали: как это можно есть? Но что тут особенного? Мясо верблюда хватает на целую неделю, и для людей, там живущих, это настоящее счастье», – рассказывает он.

Музыкальное сопровождение тоже оказалось чистым совпадением. «У меня во время моей поездки был плеер, и я слушал Rolling Stones. Поэтому никакого особого концепта в этом нет. Мне просто понравилось случайное сочетание. Так все позитивно получилось», – объясняет Алексей. Художнику самому довелось отведать верблюжатины. «Мясо похоже на говядину. И должно быть жестким, если верблюд вырос в пустыне», – делится он ощущениями. Алексей утверждает, что хотел сделать концовку счастливой – люди насыщаются мясом. Демонстрируя реалии жизни людей сельских регионов, наши художники невольно эксплуатируют стереотип о дикой азиатчине, в то время как это совсем не миф и не дикость, а образ жизни, забытый цивилизованными европейцами, покупающими гамбургеры и отбивные в супермаркетах. Алексей говорит, что хотел показать верность традиционным устоям. В Актау – нефтяные вышки, а людям, живущим в ауле, не нужны блага цивилизации. У них дешевый газ, а вокруг пасутся верблюды. Работа представляла Казахстан на Московской биennale.

Баран прямоходящий...

Почему Ербосын Мельдебеков поставил барана на задние копыта? «Это такая шуточная мистификация», – объясняет художник. Название работы «Хиазм» знаменует динамический аспект в презентации тела. А вдруг баран эволюционирует и сможет по земле не только бегать, но и ходить. Ербосына часто обвиняют в эксплуатации дикой азиатчины, а тут он предстает гуманистом. В конце концов, бараны и лошади не только жертвы (раньше художник относился к ним как к материалу, создавая из их шкур и копыт современные артефакты), но и братья наши меньшие. Баран – он тоже почти человек, который, в свою очередь, как помнится, существование прямоходящее и без перьев (только в данном случае без шерсти, шкурь и мяса). Баран в виде скелета как-то больше походит на венец природы. Как говорит художник, если ты двуногий, то должен думать, а с четырехногого и спроса меньше. В общем, давайте спросим самого барана.

И машину водящий

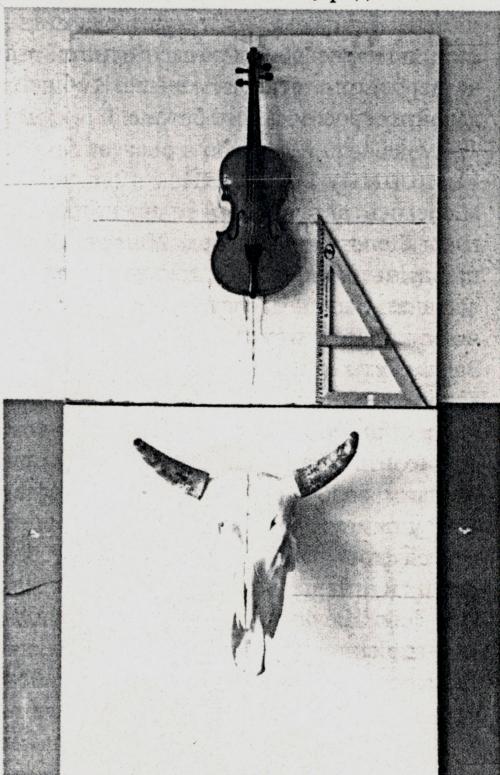
«Берегись автомобиля» художницы Регины Шепетя и «Молитва» Малика Абышева, выполненные в только завоевывающем наши городские пространства, но уже устоявшемся и признанном на Западе стиле граффити. Соединивший ладони в молитве американский солдат Малика располагается рядом с ковриком для молитвы Саида Атабекова, представляющим собой заминированный песчаный прямоугольник, олицетворяющий пересечение проблем исламского терроризма и американского имперализма. Граффити Регины «Берегись автомобиля» – критическое осмысление дорожно-транспортной ситуации, сложившейся в нашем мегаполисе, когда отсутствие этики и дорожного контроля приводят к настоящему джихаду на дорогах.

Сломанный гвоздь

Чтобы проникнуться работой «Немецкая надежда» Нурбала Мельдебекова, надо обратиться к истории, периоду гитлеровской Германии и сталинского СССР, когда искусство было авторитарным и проводило в жизнь нужную идеологию. Авангарду в нем не было места. Но немцы смогли преодолеть тоталитаризм в мышлении. Одной из первых надежд «другого» немецкого искусства стала группа «Зеро» и ее участник, художник **Гюнтер Юккер**, создавший объекты и рельефы при помощи гвоздей, часто раскрашивавший их в белый цвет и использующий символику пепла. Полемизируя с немецким художником, Нурбол делает похожие объекты, но из спичек (материала, отражающего нашу ментальность и «основательность»). Он как бы спрашивает: возможно ли в Казахстане «другое» искусство, а главное, другое мышление? Другое искусство не нужно этой стране, поэтому оно превращается в пепел, прах – выставил, и все. Спичечное искусство бесценно, его не продашь. Это своего рода вынужденная эстетика водяных иероглифов в искусстве, лишенном внимания общества.

Любовь и свинство

Ирина Масликова напечатала на шелковых лоскутках фотографии надписей «I love you» и «Я тебя люблю», выполненных любвеобильными алматинцами на заборах и стенах домов родного города, и сшила из них национальное корак корпе (лоскутное одеяло). Получилось оно в буквальном смысле розовым и гламурным. В действительности же гораздо чаще в нашем городе встречаются надписи совсем иного (непечатного) рода.

А герой казахстанского треш-арта **Георгий Трякин-Бухаров** продолжает разговор на тему свинства. Его напоминающий троянского коня «Стальной кабан» (словно в пику работам Нурбала Мельдебекова) отдает чем-то немецким. Неизвестно к чему вспоминается история про Чудское озеро и тевтонских рыцарей в тяжелых латах.

Голова в облаках, а ноги...

О богатстве и нищете родной земли повествует фотовыставка «Великий предел» Всеволода Демидова. С одной стороны, устремленные ввысь небоскребы, с другой – грязная, в трещинах и рыхлинах, забитых мусором, земля под ногами. Земля наша, алматинская, а небоскребы шанхайские. Так Всеволод хотел передать впечатления от поездки в Шанхай. «Великий предел» – так называют китайцы знак инь и ян, а Всеволод называет себя русским китайцем. «Шанхайская поездка меня очень впечатлила. Там активность просто разлита в воздухе – какие-то события, выставки, ярмарки. А тут такое болотце: тихо и томно. Меня всегда интересовало взаимодействие противоположностей. Господство мужского начала выражается в том, что фаллические небоскребы растут и упираются в небо, демонстрируя напор и агрессивность. Хотел показать женское начало, стал фотографировать трещины, дыры, отверстия. И оказалось, что они сильно засорены. Что такая земля может родить? Ее надо чистить. В этом смысле выставка носит экологический характер», – рассказывает художник.

Паритетный диалог

По словам **Валерии Ибраевой**, директора Центра современного искусства, «о концепции много спорили, но название «Дом

толерантности» понравилось всем. Всем захотелось прояснить, что каждый под ним понимает». Как указал автор пресс-релиза **Дастан Кожахметов**, в нем присутствует мотив конформизма. А я для себя сформулировала, что это все-таки про художников и общество, которое их не принимает. Но если судить по открытию выставки, на которое пришло около пятисот человек, и по интересу прессы, общество их принимает абсолютно, и это искусство абсолютно легитимно в Казахстане.

Это выставка про художников потому, что, во-первых, очень многие работы на прямую перекликаются с искусством XX века, например, Диана Юн с Энди Уорхолом, или Рустам Хальфин, посвятивший работу Малевичу, или группа ZitAbl с Петром Брейгелем. А объект Ербосына Мельдебекова «Хиазм» выполнен в технике, которую использовал современный итальянский художник Маурицио Каттелан в своей реплике на работу польской художницы Катарины Козыры. Выстраивается целая цепочка: Катарина сделала таксидермию «Бременские музыканты», Маурицио тоже, но в виде скелетов, а Ербосын добавил свое национальное животное.

Одна из первых авангардных групп в Казахстане «Красный трактор» была создана в 1992 году художниками из Чимкента, которые интуитивно нашли творческую форму. В 1997-м мы пригласили их на первый семинар по современному искусству «Арт-дискурс». Они долго не соглашались с нами, потому что мы употребляли неизвестные слова, такие как перформанс и инсталляция. Они пять лет занимались этими перформансами и инсталляциями, но не знали, что это так называется. Как распадается любая группа в любой области человеческой жизнедеятельности, распался и «Кызыл трактор». Теперь каждый из художников работает отдельно. Экспозиция **Малдагула Нарымбетова**, представленная на выставке, – памятник истории казахстанского современного искусства. Это перекличка Малдагула с самим собой, когда он еще был красным трактористом. Вообще аллюзии и отсылки к истории мирового искусства разбросаны по всей выставке. Это свидетельствует о том, что казахстанское искусство вышло на новый уровень развития. Оно уже не в подчиненном положении воспринимающей стороны, а в позиции паритетных отношений. Мы можем свободно оперировать искусством XX века и вести с ним диалог. Это нормально и говорит не о заимствованиях, а о том, что наши художники в курсе современных тенденций искусства и могут интерпретировать их как угодно. Мировое современное искусство стало частью нашей культуры, как и наше, казахстанское, стало частью мировой».

■ Фото Лианы Бахаловой

Тема родной
земли проходит
сквозь выставку
рефреном